

Д. И. Новик

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале немецкого и белорусского языков)**

Категория *посессивности* является языковой универсалией, в семантику которой входит широкий круг отношений обладания, принадлежности, в том числе отношение части и целого. Понимание категории посессивности затрудняется по причине неразграничения смыслов «владеть», «иметь при себе» и грамматической посессивности, а также в целом сложности определения лингвистически релевантной посессивности. О семантической близости исследуемых отношений свидетельствует то, что в разных языках используется одно формальное средство для обозначения отношения собственности, отношения части к целому, межличностных отношений и отношений агентивности.

В ходе анализа художественных текстов на немецком и белорусском языках было установлено, что наиболее частотными средствами выражения атрибутивной посессивности в обоих языках являются притяжательное местоимение и приименный генитив (более 70 % примеров). Особый интерес представляют периферийные средства выражения посессивности, на выбор которых влияет ряд факторов: характеристика посессора, тип объекта обладания, однозначность интерпретации, авторский стиль.

Синонимичной для сочетаний с притяжательными местоимениями является **конструкция с посессивным дативом**. Данное средство в текстах

на обоих языках используется с глаголами, обозначающими некоторое физическое воздействие (*klopfen* ‘похлопать, постучать’, *zuschneiden* ‘сжать’, *паглядзіць, закрыць*), в то время как посессор выражен посессивным дативом:

(1) *Jetzt will ich mir die Finger waschen gehen.*

(2) *Мокры ліст вяргіні з ліслівай абыякавасцю паглядзіў яму шчаку.*

Значение посессивности может выражаться в рамках одного слова. В обоих языках нами были зафиксированы сложные прилагательные, образованные от лексем, обозначающих части тела и дополненные определением (*цёмнавокі, цёмнавалосы, braunhaarig, dunkelhaarig*):

(3) «*Oder ...*», *wollte ich zaghaft wieder vorschlagen, aber ein kleines dunkelhaariges Mädchen kam jetzt eifrig jene kleine Treppe herauf.*

(4) *Куртаты Джэк ускінуўся быў брахаць, але адразу стаў і з цікавасцю пачаў разглядаць цёмнавокую асмужаную дзяўчыну, якая стаяла на сцежцы.*

В немецком языке особый интерес представляют сложные существительные, при этом основу таких существительных могут составлять не только лексем, обозначающие части тела. Так, сложные существительные могут быть образованы от лексем, обозначающих:

1) объект обладания, который относится к внутреннему микромиру человека (*Soldatenstimme, Männerstimme*);

2) действия, которые осуществляет посессор, а также результаты, продукты этих действий (*Sonnenstrahlen, Frauenlachen*);

3) отчуждаемые объекты обладания (*Cafehausbesitzer*).

В свою очередь, в белорусском языке некоторые относительные прилагательные могут также выражать посессивные отношения (*мужчынскі, жаночы, дзявочы*).

Во многих примерах с относительными прилагательными и сложными существительными наблюдается сближение отношений посессивности с качеством, вплоть до полной утраты притяжательности. Основываясь на анализе контекста, мы можем утверждать, что в зафиксированных примерах есть четкая соотнесенность с посессором и отношения притяжательности сохранены:

(5) *Ганна і Ірына. Два бакі адвечнага, прага якога заўсёды жыве ў мужчынскім сэрцы.*

В данном примере речь идет о главном герое художественного произведения, т. е. посессор однозначно определен. Кроме собственно отношения принадлежности относительное прилагательное, на наш взгляд, выражает и качество объекта обладания. *Мужчынскае сэрца* – значит благородное, трепетное сердце. Замена же данной конструкции на конструкцию с генитивом (*сэрца мужчыны / сэрца Андрэя*) или с притяжательным местоимением (*яго сэрца*) приведет к утрате имплицитных характеристик.

В посессивных конструкциях со значением ‘межличностные отношения’ и конструкциях, содержащих лексем, называющие внутренние органы и части тела, одним из средств выражения атрибутивной посессивности

в обоих исследуемых языках было выделено указательное местоимение, а также определенный артикль в немецком языке. Основным условием употребления данных средств является упоминание посессора в контексте непосредственно перед посессивной конструкцией:

(6) *Und ehe sie es verhindern konnte, hatte ich **diese kleine Hand** geküßt.*

Все вышеописанные средства выражения атрибутивной посессивности были использованы непосредственно в конструкции с именем посессора, либо посессор был известен ранее из контекста. В ходе анализа произведений нами были отмечены конструкции, в которых четко выражены посессивные отношения, но посессор неизвестен либо неважен. Так, например, в белорусском языке для обозначения неизвестного посессора было использовано неопределенное местоимение *чыйсці*:

(7) *На руцэ ў чалавека, як плашч Апалона Бельведэрскага, вісела **чыйсці паліто**.*

(8) ***Чыясь рука** лягла Андрэю на плячо.*

В примере 7 посессор не важен, автор описывает творческий беспорядок в одной из квартир, где собираются художники. В данном примере указание на неопределенного посессора можно опустить (ср.: *На руцэ ў чалавека, як плашч Апалона Бельведэрскага, вісела **паліто***), однако, вероятно, для создания атмосферы хаоса, где многие вещи принадлежат разным людям и невозможно понять, кому что принадлежит, автор все же использует такой вариант посессивной конструкции. В примере 8 посессор появляется неожиданно, он неизвестен лирическому герою, в этом случае указание на посессора необходимо, т. к. без неопределенного местоимения *чыясь* невозможно будет интерпретировать, чья это *рука* и какое она имеет отношение к ситуации.

Отдельного внимания заслуживают средства выражения отрицательной принадлежности (необладания). Нами были зафиксированы конструкции с суффиксом *-los* в немецком языке и приставкой *без-* в белорусском:

(9) *Wieder ein paar Häuser, und gegenüber, lang und **fensterlos**, die düstere Fabrikmauer wie eine Barriere ins Reich der Trostlosigkeit.*

(10) *Або, можа, таму, што ён **бяскрылы паэт**?*

Употребление частей тела, которые являются неотчуждаемыми объектами обладания, в конструкциях с отрицательной принадлежностью имеет, как правило, метафорическое значение (например, *он безголовый, бессердечный*), как в примере 10. И, хотя крылья не являются частью тела человека, для человека творческого это имеет большое значение, они символизируют полет мысли, одухотворенности. *Бяскрылы* же наделяет поэта противоположными характеристиками: без таланта, не может поймать вдохновение, бездарный.

Таким образом, проведенный анализ периферийных средств выражения атрибутивной посессивности доказывает, что данная категория не ограничивается отношениями обладания и принадлежности, а включает в себя ряд иных частных отношений, которые могут быть сведены к одному общему отношению: распространению одного объекта (посессора) на другой (обладаемое).